

УДК

О. А. Сухова
O. A. Sukhova

**ДЕЗЕРТИРСТВО В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ:
КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

**DESERTION DURING THE CIVIL WAR IN RUSSIA:
CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECT**

Ключевые слова: Гражданская война, дезертирство, обыденное сопротивление, стереотипы поведения, российское крестьянство, традиционная идентичность.

В статье раскрывается проблема дезертирства в эпоху Гражданской войны в России, широко обсуждаемая в отечественной историографии. Основанием для «примирения» объяснительных моделей советского и постсоветского периодов, по мнению автора, выступает «психологизация» проблемы, ее рассмотрение в контексте истории повседневности.

Key words: civil war, desertion, everyday resistance, patterns of behavior, the Russian peasantry, the traditional identity

The reason for writing the article was a debatable nature of the problem of desertion in the era of the Civil war in Russia, widely discussed in the national historiography. The basis for “using” explanatory models of Soviet and post-Soviet periods, according to the author, may be a “psychologisation” of the problem, its consideration in the context of the history of everyday life.

История Гражданской войны в России, имеющая кровное родство с темой еще более глобального значения — историей Российской революции, многозначная совокупностью факторов и социокультурных последствий, по-прежнему занимает одно из лидирующих мест как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Отмечая масштабность предметной области и состав исследователей, нельзя не признать, что многие проблемы концептуального порядка также далеки от своего решения, как и в момент формирования. Формальный отказ от марксистской методологической парадигмы в российской историографии на практике не завершился разработкой оригинальных подходов, не закончились споры и между «талитаристами» и «ревизионистами» в зарубежной русистике. Одними из способов примирения противоборствующих позиций могут стать «атропологизация» и «психологизация» истории Гражданской войны, развитие междисциплинарного дискурса, акцентирование внимания на содержании социальных представлений и культуре повседневности¹.

Обращение к причинам, а, следовательно, мотивации социального поведения в эпоху гражданского противостояния, одним из аспектов которого выступает феномен дезертирства, было важным уже для современников в целях изучения опыта, прежде всего управленческого, и получения необходимого инструментария для повышения эффективности процесса государственного строительства.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-12034.

Первопроходцами в изучении фактов уклонения от воинской обязанности в молодом советском государстве, а, следовательно, сопротивления как особой социальной практики стали М. Кубанин, С. Оликов, Н. Н. Мовчин, С. И. Гусев и др.²

Показательно, что уже в первых исследованиях при анализе мотивации дезертиров основной акцент делался на анализ массовых источников личного происхождения. Так, в прочтении С. Оликова главным аргументом в пользу уклонения от воинской службы выступало «разложение тыла», что проявлялось в корреспонденциях на фронт, повествовавших о «полном отсутствии рабочих рук в семье; о недостатке или отсутствии пособий; о несправедливых действиях местной власти пр.» Еще более тревожным был эмоциональный фон солдатских писем, раскрывавших бедственное положение на фронтах Гражданской войны³. Выходом из создавшегося положения Оликов видел развертывание масштабной агитационно-пропагандистской кампании под лозунгом «Все для войны»⁴.

По всей видимости, «дезертирство» эпохи Гражданской войны как социокультурный феномен выходит за рамки привычного его толкования как самовольного оставления военнослужащими военной службы или уклонения от таковой. Милитаризация управления предопределила перенос лексических значений в политико-идеологическую сферу, захватывая любое уклонение от исполнения государственных повинностей. Манихейская логика законотворчества первых лет советской власти не делала особых разграничений между контрреволюционными выступлениями и бандитизмом, массовыми беспорядками и дезертирскими восстаниями. Этим и объясняется значительный разброс мнений по поводу оценки природы крестьянских восстаний, так или иначе связанных с дезертирством⁵. По мере роста масштабов дезертирства и развития нормативной базы противодействия данному феномену дезертирами стали маркироваться и неявившиеся к поверочным сборам или на призывные пункты, и военнообязанные, сфальсифицировавшие документы на получение отсрочки или освобождения от призыва, офицеры и специалисты, уклонившиеся от постановки на учет в военкоматах, призывники, бежавшие из воинских команд еще до принятия присяги и пр.⁶ Согласно приказу по Приволжскому военному округу за № 1384 от 23 июля 1920 г., продублированного начальником пензенского гарнизона, к числу наиболее злостных разновидностей дезертирства были отнесены и «многочисленные незаконные командировки, пагубно отражающиеся и на военной организации и на транспорте»⁷.

В контексте культуры повседневности данный феномен можно интерпретировать как определенную социальную практику, направленную на реализацию задач, с одной стороны, адаптации к экстремальным условиям бытия, а, с другой — конструирования новой реальности, новых отношений, прежде всего в сфере социально-политического взаимодействия. Как отмечал исследователь В. И. Голдин, «мы наблюдаем в этой войне самые разные ориентации и стремления, попытки воплотить в жизнь свою собственную, истинную крестьянскую правду, право на самостоятельное устройство жизни и борьбу ради этого как с красными, так и с белыми»⁸. Обращаясь к проблеме мотивации дезертиров, историк К. В. Левшин в ходе анализа опросных листов Петроградской губернской комиссии по борьбе с дезертирством, по сути, подтверждает сделанные еще С. Оликовым выводы о причинах бегства военнослужащих: «утомленность войной», потребности семьи и хозяйства, запредельно критические условия обес-

печения красноармейцев. Вместе с тем исследователь акцентирует внимание на обыденном характере явления, а также на формировании новой идентичности, основанной на возможности люфта «между законом (государственной позицией) и справедливостью (народной правдой)»⁹. Иной культурно-антропологический контекст тем самым определяется масштабами дезертирства в условиях распада государственности, гражданского противостояния, а, следовательно, необходимости легитимизации новой формировавшейся власти. Завершение «общинной революции» и реализация идефикс крестьянского сознания о «черном переделе» обозначили собой восстановление независимого сегмента социокультурного пространства — домодерновой деревни, замкнутой в бесчисленном множестве обособленных миров, традиционные ценности которой еще предстояло защитить от любых внешних угроз. Не лишним здесь будет напомнить и о важнейших характеристиках крестьянской повседневности, выделенных в свое время историком М. Левиным: сельскохозяйственный труд, семья как производственный коллектив и самодостаточность, самообеспеченность этого коллектива¹⁰. В этом отношении формулировка «утомленность войной» играет, скорее, роль идеологического штампа, чем отражает подлинное положение дел. Это лишь внешнее проявление резкой и радикальной перестройки обыденных практик, прежде всего коснувшейся изменения гендерных ролей в крестьянской семье. Усталость от войны накапливалась не на фронте, а в тылу: в координатах традиционного сознания жалобы женщин на непосильные тяготы повседневных практик прочитывались как важнейший признак кризисности бытия, что и подталкивало военнослужащих к дезертирству¹¹. Однако определяющим стимулом выступают переживание ситуации «без государства», поиск и конструирование новой политической идентичности.

Именно поэтому первый объявленный ВЦИКом набор в Красную армию в зоне борьбы с чехословаками дал всего 54 тыс. чел. вместо ожидаемых 275 тыс. новобранцев. Попытки проведения последующих мобилизаций летом 1918 г. вылились в серию массовых протестов и восстаний среди крестьянства, вплоть до захвата власти в отдельных городах (как это было, скажем, в Тамбове и Шенкурске Архангельской губернии)¹². Вопрос о достижении наивысшей точки в развитии данного явления остается открытым. Так, С. Оликов первую волну массового дезертирства из Красной армии относит ко второй половине 1918 г., а апогей — к началу 1919 г.¹³ Однако очевидно, что автор следует за логикой партийных оценок, фиксируя вспышки массовых выступлений, в начале 1919 г. спровоцированных в большей степени введением продразверстки. В реальной действительности к осени 1919 г. дезертирство стало привычной, ритуализированной практикой организации крестьянской повседневности в латентной форме обыденного сопротивления, готового в одночасье разрастись в условиях наступления холодов до масштабов повстанческих армий и столь же стремительно терявшего своих сторонников, скажем, с прибытием отряда красноармейцев и пр.

Масштабы дезертирства в годы Гражданской войны поражают: из более чем 5-миллионной Красной армии (на 80 % состоявшей из крестьян) до 3 710 тыс. чел. составляли дезертиры, что предопределило создание в декабре 1918 г. особых структур — дезерткомов (Центральной и губернских комиссий по борьбе с дезертирством)¹⁴. По данным анкеты о деятельности Пензенской губернской комиссии по

борьбе с дезертирством, только за 1919 г. на территории губернии было задержано свыше 50 тыс. уклонившихся и дезертиров (из них «зlostных» — 6 997), в том числе путем «облав» — 22 867 чел.; общий объем штрафов за укрывательство по волостям Керенского, Мокшанского, Чембарского и Краснослободского уездов составил 3 190 тыс. руб.¹⁵

Массовый характер дезертирство приобрело после введения всеобщей воинской повинности в мае 1918 г. (декрет СНК «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную Армию» от 29 мая 1918 г.). Именно масштабы явления создают прецедент градации дезертиров на «зlostных» (к ним относились дезертиры, «умышленно отклоняющиеся от военной службы навсегда или временно, умышленно отстающие от маршевых рот, бежавшие с фронта и задержанные при облавах») и «по слабости воли» (самовольно покинувшие ряды Красной армии и добровольно явившиеся)¹⁶.

Примечательно, что и в годы Первой мировой войны властям приходилось мириться с частыми самовольными уходами военнослужащих, как правило, после пребывания в медицинских учреждениях. Так, по данным начальника пензенской команды выздоравливающих, в сентябре 1915 г. самовольно отлучившимися из команды числилось 16 чел. В своем обращении к полиции за содействием в возвращении бежавших военный чиновник отмечал: «замечено, что н. ч. (нижние чины. — О. С.) свободно проживают у себя на родине, иногда даже целыми месяцами»¹⁷.

Вместе с тем по отношению к нарушителям воинской дисциплины крайне редко применяли термин «дезертир», учитывая мотивацию беглецов, особенности крестьянской психологии. Так, штаб Московского военного округа, обращаясь к пензенскому губернатору, «...просил сделать распоряжения о розыске и доставлении к ближайшему уездному воинскому начальнику *самовольно отлучившихся* (курсив наш. — О. С.) из санитарного поезда № 39 рядовых: 407-го Саратовского полка Никанора Тимошина, 44-го Якова Федорова и 289-го Петроградского полка Прокофия Редькина, уроженцев Чембарского уезда»¹⁸.

В пользу обыденного характера реакций крестьянской психологии говорят и эмоционально окрашенные образы, созданные современниками. Так, С. Оликов пишет о так называемой циркуляции дезертиров: «дезертиров ловили и отправляли на фронт, а они снова убегали и тащили за собой новых»¹⁹, в работе Н. Н. Мовчина содержится описание пропавших эшелонов, которые «таяли в дороге, и часто прибывал только командир эшелона со списком»²⁰.

Понимая бесперспективность собственных усилий, власти чередовали периоды амнистии и репрессий. Так, в Чембарский уезд, где зимой 1918 — 1919 гг. насчитывалось до 5 тыс. дезертиров, после безрезультатной недели добровольной явки был направлен специальный оперативный отряд из 150 чел. с двумя пулеметами. После прибытия отряда в течение недели укомдезертир зарегистрировал до 1 500 добровольно явившихся. Аналогичная ситуация складывалась в Керенском, Рузаевском, Саранском и Пензенском районах²¹.

Недели добровольной явки проводились в губернии с 5 по 21 мая и с 29 июня по 7 июля 1919 г. Однако частота их проведения и организационные просчеты перечеркивали все усилия властей. Как отмечает исследователь Р. Ю. Поляков, подобная практика нередко служила дополнительным стимулом для самовольных

отлучек: «Многие дезертиры, зная о предстоящей неделе добровольной явки, заранее убежали домой за едой, чтобы явиться в эту неделю»²².

Выстраивая традиционные основания взаимоотношений с действовавшей властью, убегая домой для поправления расстроенного хозяйства, крестьяне исподволь вынуждали власти помогать семьям красноармейцев. Так, 14 августа 1919 г. пензенская губкомиссия по оказанию помощи семьям красноармейцев отчиталась перед губернской комиссией по борьбе с дезертирством о засевах полей нуждавшимся семьям: в Городищенском уезде — 871 хозяйство (1 050 десятин), в Пензенском уезде — 657 хозяйств (2 085 десятин, выдано семян овса 3 364 пуда)²³. Как следует из оперативных сводок Пензенской комиссии по борьбе с дезертирством, оборотной стороной «облава» в обязательном порядке выступала забота о семьях красноармейцев: «Цель отрядов — выкачивание дезертиров и обследование полей семей красноармейцев»²⁴.

В контексте анализа «психологического» своеобразия крестьянского сопротивления в 1918 — 1922 гг. следует также выделить влияние сезонности колебаний социального недовольства на масштаб и интенсивность протеста. Скажем, принятие решения ВЦИК о принудительном наборе в Красную армию²⁵ и его последующая реализация пришлись на самый разгар полевых работ, что превратило дезертирство в массовое явление в ряду форм обыденного сопротивления. Массовые мобилизации породили столь же массовые случаи уклонения от призывов в армию и дезертирства из ее рядов.

Так, в Саратовской губернии в июне 1918 г. сопротивление крестьянства мобилизации было отмечено в с. Балыклее и Пролейке, на станциях Александровской и Пичужинской Царицынского уезда, с. Кривушине Балашовского уезда. Массовое восстание крестьян, вызванное недовольством хлебной монополией, принудительными реквизициями, мобилизацией в Красную армию, охватило в губернии в конце июня-августе 20 волостей Вольского, 5 — Хвалынского, 3 — Сердобского, 12 — Саратовского уездов. В Симбирской губернии волнение населения на почве мобилизационных мероприятий в июле охватило многие селения Анниниковой волости Корсунского уезда. Крестьяне Сызранского уезда той же губернии в начале августа направили в уездный центр делегацию с сообщением об отказе крестьянства от службы в армии вследствие их беспартийности и т. д.²⁶ Данные же о количестве дезертиров, задержанных в губерниях Поволжья в следующем 1919 г., создают еще более сильное впечатление. Если в феврале 1919 г. этот показатель не превышал 2 180 чел., то в декабре эта цифра составила 33 546 чел., а в общей сложности за год — 204 220 чел.²⁷

По данным исследователя Т. В. Осиповой, за первую половину 1919 г. в армию было призвано 14 возрастов, давших более 523 тыс. чел. В результате община лишилась почти всех своих трудоспособных членов, по той же причине под угрозой оказалась и способность сельских ячеек и Советов контролировать ситуацию на местах²⁸. В этих условиях естественным итогом мобилизационной политики властей стала дальнейшая архаизация социальных связей в деревне, произошло усиление правотворческой функции общины, мирского схода, место председателя Совета занял сельский староста. Более того, в связи с тем, что до 75 % дезертиров составляли лица, уклонившиеся от призыва, а, значит, они остались в деревне и перешли на нелегальное положение, именно эта часть активного

трудоспособного населения стала определять социальную динамику и массовое поведение в деревне.

Следует отметить тот факт, что наивысший подъем крестьянского сопротивления весной 1919 г. произошел в марте, так как на это время приходилась сдача 30 % годовой разверстки хлеба²⁹, что в представлениях крестьян в преддверии посевной кампании выглядело явной угрозой, проявлением внешней агрессии, насилия по отношению к общине. В отдельный период крестьянского движения исследователи выделяют лето-осень 1919 г., когда повстанческие отряды «зеленых», состоявшие, как правило, из дезертиров Красной армии, инициировали в Поволжье ряд значительных крестьянских восстаний: восстание крестьян и дезертиров в Балашовском и Аткарском уездах Саратовской губернии (июнь-июль); дезертирские восстания в Нижнеомовском уезде Пензенской губернии и Пугачевском уезде Самарской губернии (июнь-август); восстание дезертиров в районе с. Перелюб Самарской губернии (вторая половина сентября — начало октября) и др.³⁰ Масштабы роста стихийного ненормативного поведения призывников объясняются не только результатами военного противоборства в регионе, но и неблагоприятными видами на урожай 1919 г. Осенью уездные власти вновь зафиксировали рост числа дезертиров, вызванный крайне скудным обеспечением красноармейцев. Как отмечалось в сводке Чембарской уездкомдезертир (Пензенская губерния) за 27 ноября 1919 г., «с наступлением холодов приблизительно прибывают в уезд за каждый день 100 человек». Основными причинами дезертирства были названы «хлеб и теплая одежда». Общее количество дезертиров в уезде составляло 1,5 тыс. чел.³¹

Сущность массового уклонения от призыва и дезертирства из действующей армии, превратившегося к 1919 г. в мощнейший фактор социальной динамики, постепенно изменялся: из формы обыденного сопротивления противостояние дезертиров и государства превращалось в отдельный фронт гражданской войны, определяемый многими авторами как антикоммунистический³².

3 июня 1919 г. Совет обороны принял постановление о мерах по искоренению дезертирства, а 5 июня того же года появилась инструкция Центркомдезертира по проведению кампании добровольной явки дезертиров, сроки которой продлевались несколько раз. Ослабление репрессивного вектора принесло лишь частичные результаты. К концу июля в 7 военных округах добровольно явилось и было задержано 380 597 дезертиров, из них добровольно явилось 47 %. Лишь реальная угроза реставрации власти помещиков, проявившаяся в ходе наступления Деникина, в корне изменила ситуацию. В эти месяцы в армию вернулось 975 тыс. дезертиров, из них 95,7 % — добровольно³³. Данные, приведенные в работе Т. В. Осиповой, неопровержимо доказывают существование устойчивой реакции общинного сознания на «непонятные» для крестьянства стимулы поведения и жесткого следования на практике утилитарным поведенческим стереотипам. Как отмечал исследователь М. Кубанин, «период обостренного середняцкого недовольства нашей продовольственной политикой характеризуется многочисленными изменениями частей Красной армии, т. е. по существу вооруженного середняцкого молодняка», однако, когда «...наседал помещик, вся деревня поголовно выступала против белых»³⁴, защищая тем самым собственный сегмент пространства в представлениях о характере взаимоотношений общины и государства.

Подобные нюансы прослеживаются и при ознакомлении с текстами прошенных осужденных за «злостное», «неоднократное дезертирство» и отбывавших наказание (нередко сроком до 15 и более лет) крестьян. Показательна мотивация «раскаившихся дезертиров», жаждавших «искупить свою вину». В частности, в прошении крестьянина с. Новиковка Саратовского уезда Саратовской губернии С. Н. Петрова читаем: «К дезертирству меня побудили чисто семейные дела, т. е. полное разорение за недостатком должного управления, а именно, семейное положение мое таково: отец имеет от роду 65 лет; мать 60 лет, брат 14, жена 20 лет и двое малых детей»³⁵. Крестьянин с. Воскресенки Новоузенского уезда той же губернии самовольно отлучился из армии «по подложным документам» после того, как 25 ноября 1919 г. «получил письмо из дома, что мать, сестра, брат смертельно больны тифом»³⁶. Таким образом, речь идет о переживании ощущения угрозы разрушения и без того шаткого семейного благополучия, другими словами, чувства смертельной опасности для основ всего повседневного бытия.

Сторонние же наблюдатели, лица, связанные по роду своей службы с репрессиями в отношении дезертиров, характеризовали причины распространения данного явления следующим образом: «крайнее переутомление от войны и неполучение красноармейцами отпусков», обращение членов семьи к красноармейцам с просьбой о возвращении «домой для поправки хозяйства»³⁷. Как отмечал пензенский губернский военный комиссар в докладе общегубернскому съезду Советов в июне 1919 г., «рассматривая бегущий элемент психологически, легко убедиться, что бегство совершается почти поголовно не с каким-либо злым умыслом, исключительно по непониманию задач, кои преследует вообще Советская власть»³⁸. Общая позиция российского крестьянства по вопросам мобилизаций в Красную армию достаточно адекватно отражена в высказывании крестьянина Чернышевской волости Чембарского уезда Пензенской губернии А. О. Дубова на собрании жителей волости, созванном в целях организации очередного призыва 24 апреля 1919 г.: «Советскую власть рабочих и крестьян защищать мы готовы в любой момент и по первому призыву», но «я не могу быть стойким защитником ввиду того, что семейство мое (16 человек) осталось без дома, который пришел в ветхость и его нужно чинить»³⁹. Так или иначе приоритеты семейного хозяйствования на земле являлись наиболее значимыми для крестьянства и подавляли все возможные страхи, вызванные внешней агрессией, в том числе страх перед репрессиями. Со временем, что подтверждают и данные частной переписки, дезертирство превратилось в один из базовых элементов крестьянской повседневности, произвольно интерпретировалось сельскими обывателями не только как форма сопротивления, обиденного или стихийного ненормативного поведения, но и как способ организации социокультурного пространства деревни в условиях появления новых стимулов («...у нас пока все живут дома дезертирами. Каждый день их гонят, они не идут. Выйдут из деревни, а ночью придут назад»; «вчера был сход и сделали приговор, чтобы не идти служить. Все дезертируют. Один ты не можешь отбиться от службы, все равно, что людям, то и нам будет»; «...в Ртищеве стоит фронт дезертиров»; «у нас дезертиры разбивают все до одного совет»; «много дома скрывается, во ржах и конопляниках, когда только солдаты придут, а то ходят вольно и работают»⁴⁰ и т. д. По данным сводки Самарского губернского военно-цензурного отделения за 1919 — январь 1920 г., тема дезертирства

являлась самой высокочастотной категорией высказываний, характеризовавшей «быт и настроения тыла Российской Республики»: «твои товарищи все дома живут, которые с тобой были взяты и не идут больше служить. Отпросись хоть на один месяц»; «все солдаты находятся дома дезертирами»; «все твои товарищи дома, только ты один не можешь вырваться»; «еще с весны все дома живут»; «у нас в селе все солдаты дома жили. Карательный отряд забрал человек 60, еще осталось только 100 человек»; «мы живем дезертирами, и ты тоже удирай. Ловят каждый день, жить очень плохо. Служат 20 человек. Всех пойманных направляют в Бузулук, а оттуда они опять убегают»; «у нас дезертиров не сосчитать»⁴¹ и т. д.

К 1921 г. отдельные очаги открытых форм сопротивления вылились в мощный поток массового повстанчества⁴² (в интерпретации советских чиновников — «бандитизма»), когда «очаговая» конфронтация спонтанно перерастает в процесс тотальной дезинтеграции социально-политического взаимодействия. Однако определить в данных условиях степень влияния действий повстанческих отрядов на характер и направленность крестьянского протеста, равно как и участие, а, точнее сказать, причастность населения поволжской деревни к операциям повстанцев весьма проблематично.

В этой связи представляют интерес рассуждения военного комиссара одного из полков 26-й дивизии войск ВНУС в докладе от 19 февраля 1921 г.: «бандитизм есть последствия шестилетней непрерывной войны...»; «...в местностях, занятых антоновцами, местные крестьяне переходят на его сторону и принимают активное участие в терроризме»; «...крестьяне находятся в своих хижинах, сочувствуя антоновцам, сидят спокойно у себя на печках до тех пор пока не пришла банда, а как только появилась банда смельчаков из соседних деревень в 30 — 40 всадников, тут же через 5 — 6 часов образовывается внушительная банда в 100 — 200 человек; их налеты и грабежи среди мирного населения бывают в большинстве случаев удачными; их зверские грабежи терроризируют в населенных пунктах одних и захватывают других. Быстро появляются и также быстро исчезают, благодаря того, что они у себя дома превращаются из вооруженных в мирных обывателей-работников: вот в чем заключается сила банд»⁴³.

Во многих селах Чембарского уезда Пензенской и Балашовского уезда Саратовской губерний по мере приближения отрядов Антонова в сентябре 1920 г. активность сельских и волостных исполкомов и самого крестьянства в выполнении разверстки резко сокращалась, вплоть до открытого ее саботажа. Это, впрочем, не мешало крестьянам выражать свое недовольство, вплоть до враждебности, по отношению к повстанцам из-за реквизиции лошадей, продовольствия, теплой одежды⁴⁴.

Другим источником рекрутирования повстанцев выступало дезертирство, феномен, результатом появления которого стало превращение значительной прослойки сельского населения активного возраста в полумаргиналов-полууголовников. Отрыв от привычной хозяйственной деятельности, от семьи, неопределенность социального статуса, неясность перспектив дальнейшей социализации, неустрашенность в бытовом отношении — все это уродовало крестьянскую психику, порождало монстров, которых преследовало государство и отторгала деревенская среда. Так, в Нижнеломовском уезде Пензенской губернии убийство одного из лидеров повстанческого движения вызвало настоящее паломничество местных

крестьян в уездный центр с целью лично убедиться в его смерти, «после чего крестьяне отслужили молебен по случаю его убийства»⁴⁵.

Обращение к документам, фиксировавшим результаты облав и отношение к борьбе с дезертирством местных властей и населения, рисует картину тотальной дезинтеграции крестьянского социокультурного пространства, нарушения привычного течения повседневной жизни, что многократно усиливало социальное напряжение и становилось дополнительным фактором роста масштабов и интенсивности сопротивления. В частности, согласно информационной сводке Пензенского губчека с 15 по 30 сентября 1920 г., в Нижнеломовском, Керенском и Наровчатском уездах в августе-сентябре в целях окончательного искоренения дезертирства были осуществлены следующие мероприятия: наказано 38 должностных лиц за бездействие, укрывательство и попустительство дезертирам; население обложено штрафом на сумму 30 882 500 руб. за бездействие, укрывательство и неисполнение приказа об организации пятидворных районов; произведено 1 004 конфискации имущества у дезертиров и укрывателей; высланы на принудительные работы 103 чел., жители двух сел и одной волости в целом; 59 дел передано в ревтрибунал. Однако, несмотря на репрессии, уже спустя несколько дней после облавы по уездам опять появились дезертиры и как следствие — в уездах «необычайно развился бандитизм». Причинами подобного положения дел в сводке назывались отсутствие надлежащих условий содержания заключенных на гауптвахтах и в иных помещениях («любой желающий дезертир может свободно уйти»), а также взяточничество в укомдезах и увоенкоматах⁴⁶. Малоуспешность борьбы с бегством от исполнения государственных повинностей объяснялась и тривиальным отсутствием людских и материальных ресурсов для организации облав: в сводках пензгубдезерткома констатируется численное равенство, а часто и превосходство дезертиров и отрядов контрразведки: «контрразведка действует один отряд, численностью в 50 пеших красноармейцев, задержано 64, добровольно явилось 35, задержано 17 злостных» (Чембарский уезд); «пешая и конная контрразведка не организована за неимением средств и людей» (Краснослободский уезд)⁴⁴.

Таким образом, основными стимулами дезертирства выступали деградация всех привычных повседневных практик и экстремальность поведенческих моделей. Отнюдь не «усталость от войны» порождала повстанческое движение в эпоху гражданского противостояния. По своей сути это была реакция именно на распад государственных институтов, что особенно остро переживалось в координатах корпоративной этики крестьянства. Не случайно большевики, насколько это было возможно, пытались решить вопрос об обеспечении семей красноармейцев. С другой стороны, дезертирство как социокультурный феномен имело своей целью конструирование новой социальной реальности как сопротивление, определявшее направленность государственной политики.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Голдин В. И.** Россия в Гражданской войне : Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е гг.). Архангельск, 2000. С. 33 — 34.

² См.: **Кубанин М.** Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма) // На аграрном фронте. 1926. № 1. С. 84 — 94 ; № 2. С. 36 — 45 ; **Оликов С.** Дезертирство в Красной армии и борьба с ним. Л., 1926. 128 с. ; **Мовчин Н. Н.** Комплектование

Красной армии. Л., 1926. 46 с. ; **Гусев С. И.** Гражданская война и Красная армия : Сб. военно-теорет. и военно-полит. ст. (1918 — 1924). М., 1925. 220 с.

³ См.: **Оликов С.** Указ. соч. С. 20.

⁴ Там же.

⁵ См.: **Долгова А. В.** Субъективизм в освещении истории дезертирства и крестьянских восстаний периода Гражданской войны // Доклады Академии военных наук : Воен. история. № 3 (38). 2009. С. 177 — 178.

⁶ **Раков Н. В.** Уклонение от призыва и дезертирство из РККА в годы Гражданской войны: (на материалах Курской губернии) // Учен. зап. : электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та. 2011. № 2 — 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 15.12.2015).

⁷ ГАПО. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 252. Л. 90.

⁸ **Голдин В. И.** Указ. соч. С. 64.

⁹ **Левшин К. В.** Причины дезертирства в Красной армии (1918 — 1921 гг.) // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 73 — 79 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 10.01.2016).

¹⁰ См.: **Левин М.** Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение : Теория. История. Современность : ежегод. 1997. М., 1997. С. 87.

¹¹ См.: **Щербинин П. П.** Пропедевтика революционного сознания аграрного социума периода Первой мировой войны 1914 — 1918 гг. сквозь призму гендерного анализа // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 3 (35). С. 43.

¹² См.: **Голдин В. И.** Указ. соч. С. 76.

¹³ См.: **Оликов С.** Указ. соч. С. 19.

¹⁴ См.: **Голдин В. И.** Указ. соч. С. 77.

¹⁵ ГАПО. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 86. Л. 290.

¹⁶ Там же. Л. 239.

¹⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10416. Л. 39.

¹⁸ Там же. Л. 92.

¹⁹ **Оликов С.** Указ. соч.

²⁰ **Мовчин Н. Н.** Указ. соч. С. 117.

²¹ ГАПО. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 86. Л. 239 — 239 об.

²² **Поляков Р. Ю.** Война и общество : Очерки истории воен. повседневности 1918 — 1920 гг.: (по материалам Пенз. губернии). Пенза, 2013. С. 351.

²³ ГАПО. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 86. Л. 237.

²⁴ Там же. Д. 157. Л. 1.

²⁵ См.: Декреты советской власти : в 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 334.

²⁶ См.: **Кондрашин В. В.** Крестьянское движение в Поволжье. М., 2001. С. 364 — 368.

²⁷ Там же. С. 480.

²⁸ См.: **Осипова Т. В.** Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 302.

²⁹ Там же. С. 305.

³⁰ См.: **Кондрашин В. В.** Указ. соч. С. 81.

³¹ ГАПО. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 86. Л. 289.

³² См., например: **Осипова Т. В.** Указ. соч. С. 316.

³³ Там же. С. 320.

³⁴ **Кубанин М.** Указ. соч. С. 43 — 44.

³⁵ ГАРФ. Ф. р-1235. Оп. 95. Д. 382. Л. 126.

³⁶ Там же. Л. 360.

³⁷ Крестьянское движение в Поволжье. 1919 — 1922 гг. : док. и материалы. М., 2002. С. 563.

³⁸ ГАПО. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 86. Л. 207 об.

³⁹ Там же. Ф. р-473. Оп. 6. Д. 82. Л. 4 — 4об.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. р-130. Оп. 3. Д. 445. Л. 41 — 43об.

⁴¹ ЦГАСО. Ф. р-81. Оп. 1. Д. 329. Л. 9 — 15.

⁴² См.: Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 113.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 13. Д. 869. Л. 10.

⁴⁴ См.: Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 399 — 400.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 96. Л. 102.

⁴⁶ См.: Крестьянское движение в Поволжье. С. 363 — 364.

⁴⁷ ГАПО. Ф. п-36. Оп. 1. Д. 157. Л. 5.

Поступила 19.02.2016 г.

УДК

А. А. Иванов, А. Г. Иванов, А. А. Соловьев

A. A. Ivanov, A. G. Ivanov, A. A. Solovev

ЗЕМЕЛЬНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ЦСУ 1922 г.: ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕСУРСЫ*

CENTRAL STATISTICS ADMINISTRATION LAND INSPECTION OF 1922: INFORMATIVE RESOURCES

Ключевые слова: ЦСУ РСФСР, анкета, крестьянство, земельные отношения, Поволжье, Приуралье.

В статье на основе документальных материалов Поволжско-Приуральского региона анализируются информативные ресурсы анкет ЦСУ РСФСР 1922 г., посвященные земельным отношениям периода крестьянской революции в России.

Key words: ЦСУ РСФСР, анкета, крестьянство, земельные отношения, Поволжье, Приуралье.

В статье на основе документальных материалов Поволжско-Приуральского региона учреждений анализируются информативные ресурсы анкет ЦСУ РСФСР 1922 г., посвященные земельным отношениям периода крестьянской революции в России.

Опросные листы Отдела земельной статистики Центрального статистического управления (ЦСУ) РСФСР 1922 г. «О формах современного землепользования» как источник по истории крестьянской революции первой четверти XX в. в Поволжско-Приуральском регионе¹ подлежат всем полагающимся этапам внешней и внутренней критики, которые применяются при изучении документальных материалов. Специфические моменты, возникающие при источниковедческом анализе данной разновидности массовых статистических источников, раскрывались нами при рассмотрении отдельных разделов анкет.

Первые 3 вопроса анкеты ЦСУ посвящались вводной характеристике описываемых объектов. При ответе на них, в первую очередь, следовало назвать размеры населенного пункта, по которому приводились сведения. Эти данные

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-11-12001.